

В.П. Горюнов

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИИ**
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет

Система советского социализма оказалась поверженной, а вместе с ней распалась и сама историческая общность, существовавшая в качестве государственного образования в виде Советского Союза (ранее – Российской империи). По ряду нормативных показателей Российская Федерация является преемницей Советского Союза (Российской империи), однако фактически она, будучи осколком, хотя и самым крупным, или даже ядром распавшейся общности, представляет собой новое, качественно иное общностное образование. Период борьбы за господство старого и нового порядка можно считать завершенным. Нескончаемая борьба за власть, продолжающая захлестывать Россию, теперь уже имеет другие основания, соответствующие содержанию новой социальной реальности.

Вхождение России в европейский цивилизованный мир осуществилось в XVIII в. силовым путем, выход на передовые рубежи цивилизованности в основном произошел в духовной сфере, в экономическом и политическом развитии Россия продолжала отставать. Однако в дореволюционной (царской) России социальная база высокой культуры и сопутствующего ей сильного экзистенциального накала (ощущения несправедливости бытия), т.е. переживания по поводу расхождения между высокой духовностью и низким уровнем материальной жизни и социальной организации, была очень узкой и не оказывала существенного влияния на социальную действительность. В послереволюционной России (СССР) цивилизационный прорыв продолжился, страна достигла высоких показателей материально-технического развития и совершила культурную революцию, обеспечив всеобщую грамотность и высокий уровень образования. Господство идеи социального равенства и принадлежности к самому передовому обществу, возможность реализовать свои способности и получить соответствующий социальный статус обусловили социальную и экзистенциальную стабильность советского общества. Но ресурс такого устойчивого социального существования исчерпал себя в исторически короткий срок, его не хватило даже на полную жизнь одного поколения.

В настоящее время для сохранения целостности Российской Федерации экономических оснований имеется не больше, чем было в распоряжении Советского Союза, и наоборот, оснований для распада России сейчас не меньше, чем их было для распада СССР. Главную роль в развале СССР сыграла персонифицированная борьба за власть в условиях общего усиления власти на местах по мере ослабления центральной власти, а его деление на самостоятельные государственные образования по этническим, культурно-историческим основаниям явилось лишь формообразующим фактором. Другое дело, что само ослабление центральной власти в СССР не было

исторической случайностью или субъективной издержкой, – исчерпала себя действовавшая в нем форма общественной организации в условиях складывания новой социальной реальности в мире под влиянием научно-технической революции, а реформировать ее монополия партийная власть оказалась неспособной. Следовательно, с одной стороны, распад СССР оказался неизбежным, но с другой стороны, развитие Советского Союза, как страны, не было безальтернативным. Развал страны – вот главный итог крушения СССР. Он отбросил на периферию мирового развития большинство составлявших его республик, и, по-видимому, бывшие граждане некогда великого государства еще не осознали весь трагизм и масштабы исторической катастрофы, участниками которой они оказались, – возможно, потому, что еще не проявились все ее исторические следствия.

. Вместе с политическим расчленением Советского Союза произошел и распад единой материально-технической системы на отдельные "суверенные узлы и механизмы". Однако, если бы была действительно органичная система, то невозможно было бы разделить, подобно тому, как невозможно из частей одного большого механизма сделать несколько малых механизмов. Но именно недостаточность системной целостности, наличие относительной региональной замкнутости в силу больших пространств и недостаточно развитой инфраструктуры, в силу местничества и ведомственной разобщенности, обусловивших наличие множества дублирующих элементов и связей в виде параллельных производств и пр., частично компенсировали ущерб от механического расчленения единой материально-технической системы, позволили сохранить жизнеспособность частям и начать процесс регенерации, превращения в самостоятельные системы.

Просто восстановить старые связи на новой основе невозможно, потому что раньше это были связи в границах одного политического и экономического целого, вместо которого появилось множество самостоятельных политических целых, не позволяющих сохранить существовавшие ранее экономические связи в их полном объеме. Поскольку вместо единой материально-технической системы образуется множество материально-технических систем, постольку образуется и множество экономических пространств. Взаимодействие этих материально-технических систем друг с другом теперь отличается от их взаимодействия с другими материально-техническими системами мира в той мере, в какой ближнее зарубежье отличается от дальнего, и это отличие должно уменьшаться. Соответственно и понятие единого экономического пространства в этом случае немногим отличается от единого мирового экономического пространства.

В свою очередь, единое политическое пространство необходимо предполагает единое регулирование внешних и внутренних взаимоотношений в полном объеме функционирования и развития общества, – единая оборона, единые права, единый порядок, – требует того, чем больше всего до сих пор пугают взрослое население, – единого центра. Исторически мы проходили это дважды: в виде Московии – России после освобождения от

татаро-монгольского ига и в виде Союза ССР после революции 1917 года. По какому пути пойдём сейчас – этого никто не знает, потому что этого пути ещё нет на карте истории.

Единое экономическое пространство, о котором сейчас так много говорят, основано на единой материально-технической системе, и без единого политического пространства оно так же невозможно, как единое хозяйство и функциональная специализация всех помещений в коммунальной квартире, заселенной разными семьями. Это пространство не может держаться лишь на взаимовыгодных торговых связях, когда выгода обусловлена слабой конкурентоспособностью на мировом рынке, хотя и это тоже имеет определенное значение. Восстановление единого экономического пространства означает реконструкцию исторически сложившейся системы общественного разделения труда, но без центрального органа директивного управления и в меньшем объеме за счет ликвидации искусственно поддерживаемых ранее связей. Ограничивающим новую интеграцию фактором является также стихийный сырьевой поток из бывших союзных республик в дальнее зарубежье.

Ясно, что все это связано с большим количеством противоречий, обусловленных общей кризисной ситуацией, когда участники предполагаемого экономического союза будут стремиться решать свои проблемы не только за собственный счет. Поэтому одного лишь рыночного регулирования здесь недостаточно и без полномочного органа управления целостность и устойчивость экономического пространства не обеспечить. А вообще для всесторонней интеграции сейчас нет объективных условий, – слишком различны субъекты взаимодействия, несмотря на провозглашенную когда-то принадлежность к одной исторической общности. С позиций сегодняшнего дня становится все более ясно, что в свое время надо было бы действительно сливаться в одну общность, а не образовывать союз общностей, либо сразу же отказаться от централизованного управления. Попытка совместить несовместимое закончилась неудачей.

Целостность материально-технического развития, в зависимости от ее степени и характера, уже сама по себе определяет эффективность использования ресурсов всех видов – от сырьевых до интеллектуальных. Недостаточность материально-технической целостности всегда наглядно проявлялась во всякого рода ведомственном дублировании производства с его бесконечными встречными перевозками, с неизбежной неполнотой общенациональной инфраструктуры, с непреодолимой инерцией затратного механизма вообще, постоянно грозившей пустить народное хозяйство "в разнос". Поэтому всегда звучали призывы и издавались постановления о сосредоточении усилий на выпуске конечного продукта, развитии дорог и транспорта, расширении средств связи, строительстве хранилищ и т.п. Иначе говоря, рационализация структуры материально-технической целостности уже есть дополнительный источник, хотя он и не может открыться сразу.

Основной парадокс централизованной командно-административной системы в том и состоял, что прежде всего страдала именно целостность не

только материально-технического, но всех сфер общественного развития. В условиях рыночного регулирования, когда, казалось бы, нет народнохозяйственного комплекса как единого объекта непосредственного управления, а есть просто общее экономическое пространство, в усилении материально-технической целостности объективно и субъективно заинтересованы все участники материально-технического развития.

В ходе функционирования и развития общности накапливается масса непроизводящих элементов, функция которых сводится к поддержанию ее целостности. Характер целостности является одной из составляющих геоисторической формулы общности. У России в этом смысле неблагоприятная формула: большая и резко дифференцированная территория, значительная часть которой неблагоприятна по условиям жизни и ведения хозяйства; объективно обусловленная недостаточность коммуникаций; непреодолимо глубокая социальная дифференциация населения, – все это и ряд других объективных и субъективных факторов требует расходования дополнительных ресурсов для поддержания целостности России, и глобализация мировой экономики, сопровождающаяся либерализацией всей общественной жизни, оказывается разрушительной силой, воздействующей на российскую целостность.

Проблемы национальной безопасности России в данном плане имеют еще и региональный аспект, поскольку отношения между ее регионами как субъектами Федерации по сути дублируют межобщностные отношения в мире. Перепады уровней развития регионов весьма велики, их геоисторические формулы существенно различны. Централистская командно-административная система обеспечивала целостность России, в условиях же внутренней и внешней открытости остается открытой и сама проблема существования России как единого целого.

Например, может ли быть Россия однородно-рыночной страной? На этот принципиальный экономический и политический вопрос отвечают по-разному, исходя из тех или иных интересов. Но возможно ли это теоретически при существующем уровне материально-технического развития? Если “да”, то регионы могут экономически, политически, социально и культурно равными за счет специализации в производстве ресурсов жизни. Это подразумевает эквивалентность обмена разными видами деятельности, когда на получение единицы жизненных ресурсов в любой их форме и любом месте затрачивается одно и то же количество труда. Тем самым обеспечивается именно органическая, саморегулируемая целостность России, а понятие регионального донорства теряет смысл. То же можно сказать и о межотраслевой структуре. В итоге мы имеем одну модель государства и его регулирующих функций, осуществляемых исключительно за счет налогов, собираемых в общих интересах на добровольной основе. Политика здесь обслуживает экономику.

Если же российские регионы при максимуме их оптимальной специализации на основе современного типа материально-технического развития в силу их природных различий остаются разноуровневыми по

затратам труда на создание единицы жизненного ресурса, то Россия теоретически не может быть однородно рыночной, и ее целостность, соответственно, не может быть органичной и саморегулируемой. В этом случае мы имеем качественно иную модель государства как регулирующего механизма. Для сохранения целостности страны и решения объективно общезначимых проблем (например, обеспечение дотационных регионов, ликвидация последствий техногенных катастроф и стихийных бедствий) рыночного источника получения ресурсов жизни уже недостаточно.

Россия, как ранее СССР, испытывает постоянное внутреннее напряжение на разрыв, непрекращающееся действие силы распада, преодолеваемое скрепляющей силой центральной власти, способной обеспечить единство страны как субъекта социального взаимодействия. Понятие сильной власти в России предполагает реальную возможность подавления тенденций к сепаратизму и регионализму, проистекающих из объективной недостаточности экономических оснований ее целостности, что, в свою очередь, вызвано недостаточным уровнем материально-технического развития для сглаживания (компенсации) природных различий, естественной дифференциации территории России, являющейся зачастую главным фактором социальной дифференциации населения. За сохранение целостности по принципу “любой ценой” приходится расплачиваться допущением элементов регионального иждивенчества, доходящего до возможности жить за чужой счет.

Исходя из географических и демографических условий развития современной России и ее особого места в геополитическом мировом пространстве, создание устойчивой общественной системы, саморегулируемой на основе последовательно реализуемых принципов либерализма, в обозримом будущем представляется маловероятным. Соотношение тенденций демократизма и либерализма – с одной стороны, авторитаризма и централизма – с другой, определяется не столько внутренними, сколько внешними движущими силами развития России. Либерализм в современных условиях не обеспечивает главного – сохранения устойчивой самостоятельности в системе внешней социальной дифференциации.

Соблюдение государственных интересов по выходу на мировой уровень материально-технического развития исторически связано с централизмом, хотя это всегда имело характер штурма, рывков, требовало перенапряжения сил и никогда не было, во-первых, всеобъемлющим и, во-вторых, долговременным. Тем не менее, сам этот механизм ясен. Наоборот, конкретно-исторический механизм достижения Россией мирового уровня материально-технического развития на базе либерализма неясен, потому что в этом случае не действует, как фактор, национальный интерес. Ведь не некие государства вывозят из России сырье и ввозят ядовитые отходы, – это делают наши российские фирмы, – то есть мы сами как бы продаем и отравляем себя, противопоставляя частный коммерческий интерес национальному. А то, что это делается с купленного благословения и при

непосредственном участии государственных чиновников, совсем не означает порочности самого принципа государственности. Как, впрочем, и сам факт доминирования государства еще не означает доминирования государственности как таковой. Централизм не может быть ограничен одной только политической сферой, попытки построения социального целого из блоков политического централизма и экономического либерализма имеют смутную историческую перспективу.

Для России централизм есть историческая необходимость как в плане установления и поддержания единых норм общественной жизни (правил игры) внутри, так и для обеспечения внешних благоприятных условий ее существования. Однако эта объективная необходимость централизма в России, связанная с ее особенностями как интегрированного целого, никак не может перекрыть его объективного отрицания, связанного с неспособностью обеспечить эффективное управление дифференцированным целым. В осознании данной пока что неразрешимой проблемы выбора между централизмом и либерализмом, пожалуй, и состоит ощущение исторической безысходности российской общности.

Советский централизм держался на фактическом полновластии партии, и государство было только проводником решений ее руководящих органов. Это был мощный механизм, обеспечивающий заданную структуру материально-технической целостности народного хозяйства. Теперь нет ни такой партии, ни такого государства – старый механизм сломан. Рынок, как регулятор целостности, еще не созрел и в своем нынешнем виде скорее разрушает ее, чем создает, на первый план сейчас вышла проблема укрепления новой государственности как гаранта общественной целостности вообще.

Создание системы общественной жизни на одних только экономических отношениях неосуществимо в принципе в силу ограниченности силы экономического принуждения. Без нормативности внеэкономического принуждения сохранить целостность общности и удержать ее в границах определенного порядка невозможно. Также невозможно обойтись и без экономических отношений. Весь вопрос в том, каково соотношение экономического и внеэкономического регулирования системы общественных отношений. Для России на протяжении всей ее истории характерно преобладание внеэкономического принуждения, реализуемого в системе иерархического строения общества. В ее основе лежит так называемая вертикаль власти, поддерживаемая определенной социальной силой: царская власть – служивым помещичьим сословием, советская власть – партийной организацией, нынешняя президентская вертикаль власти пока что такого силового наполнения не имеет, поскольку отсутствует достаточная социальная база власти, и вообще еще не сложилась устойчивая социальная структура России в ее нынешнем состоянии.

Россия, как и мир в целом, корпоративно разделена и разобщена по схеме “цель – средство”, где объективно не может быть места стремлению к единству, где последовательный эгоизм, жизнь за счет других являются

естественной нормой индивидуального и корпоративного существования, где за один и тот же труд люди получают разное вознаграждение, потому что они принадлежат к разным структурам, разделяющимся, прежде всего, на государственные и частные. Борьба между властью и собственностью, как двух главных корпораций в России, направлена на подчинение одного другому. Подчиненность собственности государству является исторически традиционным, проверенным и оправдавшим себя состоянием, а подчиненность государства собственности несовместима с сохранением целостности России. Но пока что государство в этой борьбе с собственностью, во-первых, далеко от последовательного выдерживания широких национальных интересов, во-вторых, оно чаще идет на компромиссы и уступки и во многом выполняет функции не главного распорядителя общности, а наемного управляющего, обеспечивающего корпоративное право одних слоев населения жить за счет других, оно не может обеспечить равные условия существования своих граждан. В принципе государство не является орудием в чьих-то конкретных руках, но оно недостаточно сильно само по себе, а потому вынуждено действовать в частных интересах.

Современная форма служения власти и ее подконтрольности в России почти условны – служение и подотчетность странной для России категории населения – избирателям. Царь никем не избирался и никому не служил, кроме Бога; компартия тоже никем не избиралась, но служила народу; президент избирается частью электората, но тоже служит народу; остальные избираются или назначаются и служат избирателям или начальству. Строго говоря, выборная власть адекватна экономическому регулированию отношений социальной дифференциации. Применительно к России это означает: при изоляции невозможны экономическое регулирование и выборность власти, а целостность подвержена угрозе внеэкономического разрушения извне; при полнометражном вписывании в глобальное открытое общество целостность подвержена угрозе разложения изнутри. Вот подлинная российская альтернатива. Однако зависимость существования России от характера ее отношений с внешним миром компенсируется особенностью ее места и значимости в этом мире. Не будь этой особенности, не было бы и России.

Централизм удерживает целостность России, но сопровождается разного рода нарушениями абстрактно-гуманитарных норм, насильственными действиями по отношению к обычным, рядовым гражданам. Бесправие маленького человека – вот зло централизма. Единственное, что оправдывает безжалостность диктатора – централиста к другим – это его безжалостность к себе. Власть, которая просто манипулирует своими маленькими людьми, не может считаться централистской.

Анализ централизма и либерализма вообще и тезис о необходимости, закономерности централизма в России, в частности, ни в коей мере не содержит и не предполагает ценностных суждений. Здесь присутствует

сугубо рациональное рассмотрение вопроса. Разумеется, и централизм, и либерализм имеют свои плюсы и минусы с точки зрения интересов конкретных групп людей. Более широко, за пределами обстоятельств бытия конкретных общностей так можно говорить лишь в том смысле, что свои плюсы и минусы имеет человеческий способ жизни вообще, как, впрочем, и сама жизнь как таковая.

В целом можно сказать, что в настоящее время в России нет организованной политической силы, достаточно полно выражающей ее национальные интересы и опирающейся на широкую социально-экономическую базу. Возможно, это объясняется объективной противоречивостью геоисторической формулы России, не позволяющей соединить в рамках современной цивилизации свободу внутреннюю и свободу внешнюю. Наверное, потому и была ее судьба всегда крепко связана с появлением личностей, на какое-то время вздыбливающих страну.

Объективная противоречивость общественного развития, мучительность выбора между централизмом и либерализмом обуславливает непрекращающиеся попытки провозглашения некоего третьего пути. Для России они особенно типичны, и русская общественная мысль всегда претендовала на то, чтобы открыть и показать миру этот третий путь, установить его у себя и предложить пойти по нему всему человечеству.

Идеи либерализма и сильного государства на первый взгляд кажутся несовместимыми. Вместе с тем, в лидирующих общностях свобода граждан и сила государства находятся в отношении прямой пропорциональности, ибо именно государство обеспечивает с помощью диктатуры закона независимость друг от друга членов общности и их привилегированное положение по отношению к членам менее развитых общностей. В России единство либерализма и государственности всегда было нонсенсом, потому что сила государства всегда означала диктатуру кого-то над кем-то, осуществляемую на той или иной социальной базе, будь то княжеская дружина, царские опричники, помещичье сословие или однопартийная система с ее диктатурой совести. И всегда эта внутренняя структура сочеталась с активной, воинствующей внешней политикой. Соответственно, реализация либерализма в России никогда не шла дальше смуты внутри и обессиливания вовне.

В лидирующих общностях нет левых и правых как социальных антагонистов. По существу там двухпартийная (двухблоковая – при множестве разнородных партий) система, применительно к которой понятие центра бессмысленно, – функции центра часто выполняет монархия. Две партии (два блока) – это территориальные, производственные, этнические и пр. конкуренты, сменяющие друг друга у власти в соответствии с объективной цикличностью, периодичностью экономического, социального, политического развития. Смысл демократии состоит в саморегулируемой сбалансированности общественных сил, а не в их уравновешенном, но напряженном и взрывоопасном равнодействии. Идея политического центра в России как межпартийного, независимого (надпартийного) – это идея просто

власти, центральной власти как абсолютной власти, которая в России никогда и не была партийной. Межпартийный центр предполагает опору на большинство политически однородного населения, но для глубоко дифференцированной России это мираж. Центр в России не имеет политических флангов, такими флангами в ней были и остаются западники и славянофилы. Для России левые и правые тоже нетипичны, их появление связано с периодами кризисов, переломов, безвластия, безвременья в XX веке. В России власть больше, чем власть. Власть в России – это все.

Удастся ли соединить либерализм и государственность в современной России? Это определится характером социальной опоры государства и содержанием внешней политики. То и другой сейчас не определить, потому что еще не сложилась социальная база сильного государства. Геоисторическая формула России дает очень узкий диапазон возможных вариантов, среди которых более или менее явственно просматривается композиция с преобладанием силуэтов, испещренных пятнами камуфляжа.